

Л. А. Тресвятский

*доктор культурологии, доцент кафедры отечественной истории
Кузбасская государственная педагогическая академия
г. Новокузнецк*

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ СЕЛЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В середине 1960–1970-х гг. Л. И. Емельях, В. П. Крикунов, Л. В. Островская, Н. Н. Покровский уделили особое внимание изучению ментальности населения сибирских селений, основу которой, с одной стороны, составляло православное мировоззрение, с другой, «антиклерикализм» и «антицерковные настроения» [1, 2, 3, 4, 5]. Л. Е. Емельях приводит данные об отрицательном отношении части крестьян к религиозным обрядам, на основе чего приходит к выводу о широком проникновении атеизма в крестьянскую среду [1, с. 129]. Эти взгляды противоречат выводам Л. В. Островской, которая считала, что крестьянская часть населения была «наиболее религиозной в силу социальных условий, раздробленности, неграмотности, а поэтому большей по сравнению с другими категориями населения приверженности патриархальности, особой традиционности крестьянского мышления и т.д.» [4, с. 172]. Советские историки старались раскрыть вопросы взаимоотношения крестьян и Русской православной церкви (РПЦ), показать характер и степень крестьянской религиозности, но только после прекращения идеологического давления с конца 1980-х годов исследования становятся более объективными [6, с. 156–163].

Проблеме отношения сибиряков, в том числе крестьян, к официальной церкви уделяется достаточное внимание в современной историографии (И. П. Башаров [7], О. Е. Безруких [8, с. 86–91], Л. В. Островская [9, с. 35–36]). И. П. Башаров сумел показать, что в крестьянской ментальности сохранился «... идеал доброго батюшки (примеры соответствия ему были достаточно хорошо известны)» [7]. О. Е. Безруких несколько сглаживает те противоречия, которые реально были во взаимоотношениях РПЦ и общества. Особый вклад внесён М. М. Громько в изучение вопроса отношения различных слоёв общества к Русской православной церкви как общественному институту и центру местного развития культурно-религиозной жизни [10, с. 88–103; 11, с. 202–228; 12, с. 5–8; 13, с. 66–89; 14, с. 103–124]. В статье «Покаяние в народной жизни, понятие греха и кары божией» автор убедительно показала особую значимость исповеди и покаяния в жизни российского общества [11, с. 210].

Взаимовлияние церкви и различных социальных групп в Сибири рассмотрели достаточно подробно Т. В. Батурина [15], А. Ю. Карпинец [16, с. 40–46], Н. А. Миненко [17]. Наиболее подробно изучен вопрос проявления религиозности различных социальных групп в Сибири (Т. А. Воронина [18, с. 53–72], С. В. Кузнецов [19, с. 168–182], Т. А. Листова [20, с. 7–35]) и др. По мнению Г. В. Любимова роль священников в условиях аграрного общества была значительна. Духовенство не только полностью отвечало за все службы в пределах храма, но было причастно к освящению крестьянского труда на земле. Он отмечает: «Известно также, что многие крестные ходы и молебны вне храма сопровождали многие полевые работы, включая посев, весь процесс созревания и сбора урожая» [21, с. 55–56]. Видно, что хотя сельский батюшка особым материальным богатством не отличался, но крестьяне даже в условиях полной трудовой занятости, не могли обойтись без его помощи. Роль обряда в жизни деревни была велика, что способствовало адаптации сельского духовенства к жизни сельской общины.

Церковная жизнь на уровне сельских приходов раскрыта следующими авторами: А. М. Адаменко [22], Н. Д. Зольниковой [23], С. В. Кузнецовым [24, с. 156–178], Л. И. Кучумовой [25, с. 159–199] и др. Исследователи отмечают, что изначально церковно-приходская жизнь в Сибири строилась по образцу северорусских земель, где роль приходов была достаточно велика. Архиереям и духовенству приходилось серьёзно считаться с мнением прихожан, но постепенно роль священства возросла, а значение прихода в решении наиболее важных вопросов церковной жизни снизилось.

Сибирские крестьяне почтительно относились к православным иконам. Общее и достаточно полное представление о православной иконе представлено в творчестве К. В. Цеханской. В статье «Иконы в народной жизни» она показывает, что икона является проявлением коллективной памяти о сущности православных ценностей. Она пишет: «Совесть людей, менталитет народа утверждался на примерах жизни своих героев, духовных подвижников в народном творчестве. Но высшим идеалом для всякого русского человека всегда оставался Иисус Христос, Богоматерь и весь сонм святых. Ведь святые угодники, созданные, как все люди, по божественному подобию, оставались единственными, кто стремился и достигал этого подобию» [26, с. 300]. Таким образом, икона понимается в качестве особого и универсального способа связи между человеческо-материальным и божественно-духовным мирами.

Сибирской иконе, как неотъемлемой части крестьянского миропонимания, за последние годы посвящены работы Т. А. Бычковой [27, с. 23–26], Н. Г. Велижанова [28, с. 161–174], Т. А. Крючковой [29] и мн. др. Эта группа исследователей сумела собрать весь доступный материал об истории икон в той или иной части Сибири. Более сложный уровень работ представлен в научном поиске И. А. Евтихеевой [30, с. 117–132], И. В. Киселёвой [31, с. 56–57], В. Я. Темплинг [32, с. 36–37]. Дело в том, что эти исследователи рассматривают отношение общества к наиболее почитаемым

иконам, именуемых чудотворными, т.е. носящими на себе проявление божественной благодати.

У православия в Сибири существовали внешние и внутренние враги: суеверия, сектантство, раскол, язычество и колдовство. Борьба с этими явлениями на разных этапах была трудной, но именно от ее успехов во многом зависело укрепление и стабильное развитие православной культуры в Сибири. Особым бичом для православной культуры было крестьянское суеверие и маловерие. Сельскохозяйственный труд ориентировал крестьян на чисто практические цели. Мало уповая на Бога, они часто видели причины неурожаев в действии всякого рода «нечистой силы». Крестьяне считали, что колдуны не только живые, но и давно умершие способны вредить людям, и, например, вбитый в могилу колдуна осиновый кол якобы мог положить предел злым его делам [4, с. 178].

Русская православная церковь всячески боролась с языческими предрассудками, которые свойственны далеким от православия людям. Только осознанное богоборчество приводило некоторых сибиряков к занятию колдовством. Н. А. Миненко пишет: «Сибирская деревня знала и колдунов, и колдуний. Вообще от них старались держаться подальше. Случалось, крестьянские общества ходатайствовали о выселении того или иного человека, заподозренного в колдовстве, в другую деревню или волость» [33, с. 116]. Сибирское крестьянство при условии отсутствия влияния православия становилось жертвой религиозных местных культов, которые принимали порой извращенный характер. Так в Туруханском крае в 1861 г. один из русских крестьян совершил человеческое жертвоприношение. Жертвой стала девочка. К такому решению «крестьянин» пришел во время участия в шаманском действии [34, с. 361].

Известно о переходе в старообрядчество крестьян во многих глухих сибирских деревнях и селах. Список лиц крестьян деревни Листьяминской, обратившихся в раскол в 1870 г. (17 семей), впечатляет, более того, они перешли в беспоповскую секту. Список крестьян, соvrащенных в раскол, деревни Григорьевой на 1871 г. – всего шесть семей (22 человека). Поморская секта русского раскола поражает количеством старообрядцев. Произошло соvrащение в раскол из православия крестьян села Субботнического Шушенской волости в 1872 г. Известно «о соvrащении 225 человек из православия в раскол крестьян Шушенской волости разных деревень» [35]. Количество старообрядцев деревни Листьянской – 34, деревни Салбинской – 105, деревни Григорьевской – 20 [36].

Крестьянин деревни Каменка Бийского округа Томской губернии Иван Григорьевич Абрамов оскорбил служителя церкви. Священник села Верхне-Каменского Покровской церкви Сосунов 8 ноября 1880 г. ходил по деревне Каменской с крестом, и зашел в дом Абрамова, и отслужил молебен. Неожиданно Иван Абрамов подскочил к священнику и сказал: «Ты свинья, а не священник». Дело в том, что И. Г. Абрамов оказался старообрядцем, который «соvrатил в раскол почти половину жителей их деревни». Сектант всячески старался себя оправдать. Он «виновным себя не признал, объяснив,

что священника он свиньей не обзывал, а сказал ему только, что он подобен свинье, и сказал это потому, что тот, входя к нему в избу, не перекрестился» [37].

Следует отметить, что старообрядцы отличались рядом положительных качеств, которые способствовали вовлечению в их среду сибирских крестьян. П. Головачев, посетивший старообрядческие переселения, пишет о ситуации в Минусинском округе Енисейской губернии: «...мы первый раз видели общество людей, для которых религиозные вопросы не одни отвлеченные идеи, не общепринятые формы, а живая потребность всего существа, краеугольный камень всей жизни, маяк и компас нравственного поведения ...» [38, с. 15].

Не везде в Сибири была возможность быстро добраться даже до ближайшей церкви. В этом случае русские крестьяне на Индигирке «обходились обычно без священника. Наливали в чистый таз теплую воду, опускали в нее серебряный крест, после чего вода становилась «святой». Крестный отец несколько раз окунал ребенка головой и ногами в воду со словами: «Крестим раба божьего Николая (Петра, и т.д.)». Крестные отец и мать почитались почти наравне с родителями. В случае смерти последних они опекали своих крестников» [39]. Благодаря таким православным формам поведения происходило настоящее воцерковление христиан.

Учитывая большое расстояние между храмом и отдельными сибирскими деревнями, приходим к выводу, что часть сибиряков не имела возможности регулярно посещать богослужения и приобщаться к таинствам. Вот почему строительство новых церквей и привлечение дополнительного числа священников в Сибирь было актуальным. Слабая воцерковленность части населения и его разбросанное расселение не способствовали скорейшему искоренению отрицательных привычек, например, ранних браков. В сложившихся условиях Иркутский епископ Софроний в 1756 г. запретил священникам венчать малолетних и браки между родственниками [40]. Таким образом, продолжалась борьба с наиболее худшими крестьянскими обычаями, которые вредили и духовному, и телесному состоянию.

Русская православная церковь в своей деятельности традиционно ориентировалась, прежде всего, на крестьянство. В XVIII–XIX вв. отмечается «готовность, с которой крестьяне-сибиряки ради строительства храма шли на всевозможные тяготы и жертвы, позволяет говорить о высокой степени приверженности их официальной церкви» [41, с. 175]. В XIX в. существовала традиция, идущая из предыдущих веков, что инициатива возведения приходских храмов, часовен, молитвенных домов исходила не от официальных церковных органов или священников, а непосредственно от мирян. Письменное прошение отправлялось архиерею на рассмотрение через Духовное правление, позднее через благочинного.

Одной из причин снижения авторитета Русской православной церкви среди населения сибирских селений явились серьезные недостатки синодальной системы управления, основанной на совмещении власти бюрократии и внешнего церковного духовенства. Обер-прокуроры Синода

начинают сосредотачивать в руках огромную власть, это становится заметным особенно к концу XIX века.

Литература

1. Емельях Л. И. Антиклерикализм и атеизм русских крестьян накануне Великой Октябрьской социалистической революции // По этапам развития атеизма в СССР. – Л., 1965. – С.59–85.
2. Емельях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. – Л., Наука. 1976.
3. Крикунов В. П. Антицерковные настроения крестьян в пореформенный период России // Вопросы истории религии и атеизма. – М. 1962. – Вып.10. – С.128–142.
4. Островская Л. В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). Наука. Сибирское отделение. – Новосибирск, 1975. – С.172–186.
5. Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура) Наука. Сибирское отделение. – Новосибирск, 1975. – С.19–49.
6. Федоров В. А. Церковь и государство в XVIII – начале XX вв.: историографические и источниковедческие аспекты изучения проблемы // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы 2000 г. – М. Из-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000. – С.156–163.
7. Башаров И. П. Трудовые традиции и народные верования русского промыслового населения Восточного Прибайкалья (конец XIX-первая треть XX в.) спец. 07.00.07. – этнограф., этнология и антрополог. Автореф. дисс. на соиск. к.и.н. – Владивосток. 2002. – 29 с.
8. Безруких О. Е. (протоиерей) Православие и народные традиции в России // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Духовно-исторических чтений VI и VII. – Томск. Изд-во НТЛ., 1998.
9. Островская Л. В. Прощения в консисторию как источник для изучения православного сознания крестьянства (по материалам Сибири второй половины XIX в. // Православие и культура этноса. Тезисы докладов международного научного симпозиума. 9–13 октября 2000 года Москва. – М. Старый сад, 2000. – С. 35–36.
10. Громыко М. М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М. Наука, 2001.
11. Громыко М. М. Покаяние в народной жизни, понятие греха и кары божией // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М. Наука, 2001.
12. Громыко М. М. Православие как традиционная религия большинства русского народа // Православие и культура этноса. Тезисы докладов международного научного симпозиума. 9–13 октября 2000 года Москва. – М. Старый сад, 2000.
13. Громыко М. М. Православные обряды и обычаи в русском крестьянском доме // Православная вера и традиция благочестия у русских в XVIII–XIX веках: этнографические исследования и материалы. / отв. ред Кириченко О. В., Поплавская Х. В./ М.Наука, 2002.
14. Громыко М. М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М. Наука, 2001.
15. Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX в. 07.00.02. к.и.н. 204 с;
16. Карпинец А.Ю. Расходы на удовлетворение духовных потребностей переселенцев в конце XIX–начале XX вв. // Проблемы истории Кузбасса. Материалы научно-практич. конференции. – Прокопьевск, 2002.

17. Миненко Н. А. Русское население Урала и Западной Сибири и православная церковь (XVIII–XIX века) // Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. тр. и документальных материалов. – Тюмень. 1995.
18. Воронина Т. А. Особенности соблюдения постов в народной среде XIX в. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. – М. Наука, 2001.
19. Кузнецов С. В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М. Наука, 2001.
20. Листова Т. А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. – М. Наука. 2001.
21. Любимова Г. В. Участие сельского духовенства в обрядовой жизни сибирской общины: крестные ходы и молебны вне храма (XIX – начало XX вв.) // Православие и культура этноса. Тезисы докладов международного научного симпозиума. 9–13 октября 2000 года Москва. – М. Старый сад, 2000.
22. Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Тобольской епархии XVII–XIX вв. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. к.и.н. – Кемерово, 1998. – 26 с.
23. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск, 1990. – 291 с.
24. Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиция благочестия у русских в XVIII–XIX веках: этнографические исследования и материалы / отв. ред Кириченко О. В., Поплавская Х. В. / М. Наука, 2002.
25. Кучумова Л. И. Православный приход в концепции церкви и государства и общественная мысль в России на рубеже 1850-1860-х гг. // Православие и русская народная культура. Кн.2. –М., 1993.
26. Цеханская К.В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М. Наука, 2001.
27. Бычкова Т. А. Наиболее чтимые иконы Томской губернии // Сибирский город вчера и сегодня. Тезисы научно практической конференции, посвященной 380-летию Новокузнецка, 23–25 VI. 1998 г. – Новокузнецк, 1998.
28. Велижанова Н. Г. Иконостасы Тобольска в первой половине двадцатых годов XVII столетия (опыт реконструкции по документальным источникам) // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Сб. науч. тр. Ред. Василевская Э. В. Изд-во Института археологии и этнографии. – Новосибирск, 1998.
29. Крючкова Т. А. История иконописания в Иркутске. 1600-е гг.-1920 г. Автореф. к.и.н. 07.00.02. – Отеч.истор. – Иркутск, 2000. 42с.
30. Евтихиева И. А Чудотворные иконы Томской епархии // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее./ Сборник материалов VI и VII духовно-исторических чтений. – Томск. Издательство научно-технической литературы, 1998.
31. Киселева И. В. Из истории крестных ходов города Томска и чудотворных икон, с ним связанных // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Сб. тезисов докладов 3-х Духовно-исторических чтений. Вып.2. – Томск, 1994.
32. Темплинг В. Я. О чудесных явлениях от иконы святой великомученицы в селе Прокуткином Ишимского уезда // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. Вып.13. – Тюмень. Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000.
33. Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII–первой половине XIX в. / Н. А. Миненко – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989.
34. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов – Сургут: Северный дом, 1993.

35. ЦГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.1113. Л.4.
36. ЦГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.1114. Л. 46, 97.
37. ЦГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.3940. Л.224 об.
38. Головачев П. У сибирских староверов и сектантов. / П.Головачев – Тобольск, 1896.
39. Чикачев А. Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. – Новосибирск, Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 189 с.
40. Иркутские епархиальные ведомости. 1898. – № 14.
41. Островская Л. В. Прошения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С.175; Т. В. Батурина дополняет: «Всю настойчивость прихожан в просьбах о строительстве церкви можно, как кажется, отнести к их высокой религиозности. Не отрицая её, все же приходится отмечать наличие мотива не менее сильного – стремление к удобству в проявлении своей религиозности». Цит. по: Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX в. 07.00.02. к.и.н. С. 176.